

]

— Бабушка, ты посиди, а я налью тебе горячей воды и приготовлю завтрак.

Бабушка кивнула и согласилась.

Шань Циншань вышел набрать кипятка, но едва переступил порог, как обомлел: бабушка лежала на полу.

Стеклянный стакан выскользнул из пальцев и со звоном разбился.

— Бабушка!

Подхватив бабушку на руки, Шань Циншань достучался до режиссера, и на машине съемочной группы ее экстренно доставили в поселковую больницу.

Первичный осмотр не выявил критических нарушений: многолетнее переутомление привело к истощению, а сильное эмоциональное потрясение вызвало обморок. Однако врачи не исключали более серьезных скрытых патологий.

Доктор посоветовал, как только пациентка придет в себя, провести полное и детальное обследование.

Шань Циншань без колебаний согласился.

Очнувшись и поняв, что находится в больнице, бабушка тут же сбросила одеяло и потребовала выписки, непрерывно браня Шань Циншаня:

— Со мной всё в порядке! Зачем на себе приволок меня в больницу? Только деньги на ветер пускать! Выписывайте меня! Где Сокровище? Зовите его, пусть оформит выписку!

Режиссер пытался ее успокоить, но тщетно, а трогать старушку боялся, чтобы не сделать хуже.

Сладить со своенравной старушкой никто не мог. К счастью, вернулся Шань Циншань.

Одна-единственная фраза мигом усмирила ее:

— Бабушка, лекарства уже оплачены, обследование назначено, деньги вернуть нельзя. Если начнешь скандалить, это занесут в мое личное дело и испортят мне всё будущее.

Бабушка в таких вещах не разбиралась, но звучало это пугающе убедительно!

Она тут же послушно вернулась на койку.

Комплексное обследование затянулось, и Шань Циншань неотлучно сопровождал ее. На середине процедур врач позвал его в кабинет.

Доктор закрепил рентгеновский снимок на негатоскопе и указал на темное пятно:

— Это раковая опухоль.

Шань Циншань оцепенел, мысли в голове испарились, а сердце бешено заколотилось где-то у самого горла.

— К счастью, стадия ранняя.

Услышав эти слова, Шань Циншань судорожно выдохнул, вырываясь из парализующего ужаса:

— Когда можно провести операцию?

— Я рекомендую дождаться окончания обследования и как можно скорее перевести ее в городскую больницу, — ответил врач. — Хоть это и ранняя стадия, пациентка в преклонном возрасте, операционные риски немалые. Расходы тоже предстоят серьезные: до и после операции потребуется химио- и лучевая терапия. Вам лучше подготовить около пятисот тысяч юаней.

Врач взглянул на юношу с жалостью.

Но он прекрасно видел: сколько бы это ни стоило, парень будет бороться за жизнь бабушки.

Любое утаивание сейчас стало бы верхом жестокости.

— Впрочем, если есть медицинская страховка, часть расходов покроется, и станет полегче. Ваша бабушка платит взносы?

Шань Циншань кивнул:

— Платит. Я каждый год ей напоминал.

— Вот и отлично.

В окрестных деревнях многие пренебрегали страховкой.

— Пока прокапайте два флакона и сделайте пару уколов альбумина для укрепления иммунитета. Заодно используйте это время, чтобы связаться с клиниками в городе.

— Хорошо.

Когда Шань Циншань вышел из кабинета, обследование бабушки подошло к концу.

— Сокровище, мы уже можем идти?

— Бабушка, нужно еще поставить капельницу и сделать уколы.

Старушка насторожилась:

— Это опять за деньги?

— Всё уже оплачено.

Только тогда бабушка послушно вернулась в палату и позволила медсестре поставить капельницу и сделать укол.

Шань Циншань пошел к кассе. Оплатив счет, он помедлил и вернулся к окошку:

— Простите, не могли бы вы проверить, числится ли за моей бабушкой медицинская страховка?

— Да, секунду.

Спустя минуту медсестра вернула удостоверение личности:

— Записей о страховке нет.

Лицо Шань Циншаня помрачнело, взгляд потускнел. Тихо обронив: «Спасибо», он отошел в сторону.

Вокруг сновали люди, а он стоял посреди коридора совершенно один, словно невидимка.

Никто его не замечал, никому до него не было дела.

В этом необъятном мире он остался один на один со своей бедой, бредущий в полном одиночестве.

В памяти всплыли ее давние слова:

«Страховка? Да я уж одной ногой в могиле стою, на кой она мне сдалась? Случись какая хворь или напасть — купи мне за десять юаней бутылку ядохимиката, да и дело с концом».

Шань Циншань долго стоял неподвижно, глядя в никуда остекленевшим взором. Наконец, придя в себя, он вышел купить завтрак и вернулся в палату.

— Сокровище, как докапают эти две бутылки, можно будет домой?

— Угу.

— А себе почему ничего не взял?

— Я поел на улице.

— А-а.

Неведомо как проведая о госпитализации, в палату торопливо ввалилась Шань Фан и водрузила на тумбочку корзину с фруктами.

Шань Циншань холодно процедил:

— Опять просрочка?

Шань Фан побледнела:

— Ну что ты за ребенок! Разве у фруктов бывает срок годности?

Бабушка сердито отрезала:

— Плевать я хотела, что там! Забирай и уноси! Ни крошки твоей в рот не возьму!

— Мама, не упрямясь, фрукты полезны для здоровья! Если сляжешь, обузой повиснешь на мне и на Сокровище, — проговорила Шань Фан, а затем шепнула Шань Циншаню на ухо:

— Господин Тао ждет тебя снаружи.

Шань Циншань не шелохнулся, смерив ее ледяным взглядом:

— Как раз вовремя. У меня тоже есть разговор. Выйди.

Шань Фан вздрогнула: от его взгляда по спине пробежал мороз, словно ее пронзили насквозь.

Накатил первобытный страх.

Она инстинктивно попыталась отстраниться.

Шань Циншань предупредил бабушку и вывел Шань Фан за дверь.

Тао Гуан переминался в коридоре; сорванная поясница всё еще ныла, лицо было серым от боли, но он попытался натянуть подобие дружелюбной улыбки.

Шань Циншань бросил на него мимолетный взгляд и холодно бросил:

— Не улыбайся. Ужасно выглядишь.

Улыбка с лица Тао Гуана мгновенно сползла.

Шань Циншань толкнул дверь на лестничную площадку, и остальные последовали за ним.

Он перешел прямо к делу:

— Листовки — ваших рук дело?

Шань Фан по привычке раскрыла рот, чтобы соврать.

Тао Гуан ядовито усмехнулся и подтвердил:

— Да, наших.

Шань Фан остолбенела.

С чего это господин Тао во всем признался?!

Тао Гуан продолжил:

— В вашей деревне камер видеонаблюдения нет. Это всего лишь бумажки, расклеенные глубокой ночью. Твоя бабка успела всё содрать вовремя, так что никакого ущерба твоей репутации не нанесено. Даже если пойдешь в полицию, толку не будет никакого — только зря потратишь драгоценное время.

Тао Гуан прищурился, в его взгляде плескался яд:

— Твоей бабке колют альбумин, результаты обследования не особо радужные, верно? Что бы с ней ни случилось, стоящая рядом со мной женщина сбежит быстрее ветра и не даст тебе ни юаня. Насколько мне известно, гонорар от съемочной группы за съемки составляет всего сто тысяч.

— Шань Циншань, тебе нужны деньги?

— Подпиши контракт со мной, и я выдам тебе четыреста тысяч чистыми на руки.